

И.В. Чапыгин*

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЗАЧЕСТВА ТРЕХРЕЧЬЯ (КИТАЙ, 1920–1945 ГОДЫ)**Doi:10.31518/2618-9100-2023-3-3
УДК 332.055.2(=161.1)(510.1)*Выходные данные для цитирования:*
Чапыгин И.В. Экономические основы жизнедеятельности казачества Трехречья (Китай, 1920–1945 годы) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 40–50.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-03.pdf>

I.V. Chapygin*

**ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE LIFE OF THE
COSSACKS OF THE THREE RIVERS (CHINA, 1920–1945)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-3

How to cite:
Chapygin I.V. Economic Foundations of the Life of the Cossacks of the Three Rivers (China, 1920–1945) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 40–50.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-03.pdf>]

Abstract. The article examines the Cossack emigration in China on the example of the Three Rivers. In the Three Rivers, emigrant Cossacks mastered various types of activities. They provided various kinds of services (for example, transportation), cultivated fishing, hunting, cattle breeding, various crafts. Emigrants from Transbaikalia and other Cossacks not only cultivated the fertile lands of China, but also played a major role in the development of medium and small industries, including processing of natural and agricultural raw materials. In addition, the emigrant Cossacks respected military service, as well as service in public and private institutions. Due to the peculiarities of the social organization and economic infrastructure, the emigrant Cossacks were able to adapt to the harsh local conditions in a relatively short time and arrange the life of their families in an unfamiliar territory. The economic infrastructure of the Cossacks and China was developing quite actively at that time, despite some problems caused by the situation in the country. The economic infrastructure of the Cossacks in the Three Rivers is based on the achievements of agriculture, crafts, cattle breeding and agriculture. Russian Russians recognize that the 1920s were a period of mass settlement of the Three Rivers by Russian Cossacks, who, by their way of life, stood out from the general Russian emigrant mass of China. There is no doubt that successful adaptation became possible thanks to centuries-old strong Cossack traditions in military and village administration, as well as commerce and agriculture.

Keywords: emigration, Cossacks, Manchuria, economy, Cossack traditions, agriculture, agriculture.

The article has been received by the editor on 03.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается казачья эмиграция на территории Китая на примере Трехречья. Казаки-эмигранты Трехречья освоили разные виды деятельности. Они оказывали разного рода услуги (например, извоз), культивировали рыболовство, охоту, скотоводство, различные промыслы. Эмигранты из Забайкалья и других казачеств не только возделывали неосвоенные плодородные земли Китая, но также сыграли большую роль в развитии средней и мелкой промышленности, в том числе по переработке природного и сельскохозяйственного сырья. Помимо этого, казаки-эмигранты уважительно относились к военной службе, а также службе в государственных и частных учреждениях.

* **Игорь Викторович Чапыгин**, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru
Igor Viktorovich Chapygin, Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

Благодаря особенностям общественной организации и экономической инфраструктуры казаки-эмигранты в относительно короткие сроки смогли адаптироваться к суровым местным условиям и обустроить жизнь своих семей на незнакомой территории. Экономическая инфраструктура казачества и Китая в тот период развивалась достаточно активно, несмотря на некоторые проблемы, вызванные ситуацией в стране. В основу экономической инфраструктуры казачества в Трехречье положены достижения сельского хозяйства, промыслов, скотоводства и земледелия. Ученые признают, что 1920-е гг. стали периодом массового заселения Северо-Восточного Китая русскими казаками, которые своим жизненным укладом выделялись из общей русской эмигрантской массы. Не вызывает сомнений, что успешная адаптация стала возможной благодаря многовековым прочным казачьим традициям в войсковом и станичном управлении, а также коммерции и сельском хозяйстве.

Ключевые слова: эмиграция, казаки, Маньчжурия, экономика, казачьи традиции, сельское хозяйство, земледелие.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023 г.

В Маньчжурию (Северо-Восточный Китай) в 1920-е гг. переселялись представители различных слоев дореволюционного российского общества. Своим жизненным укладом они повлияли на экономику, традиции и жизненный уклад местного населения. Особенно сильным было влияние эмигрировавших казаков. Их роль в различных сферах жизни русской диаспоры в Маньчжурии оценивается современными учеными достаточно высоко.

Многие казаки из числа тех, кто поселились на территории Северо-Восточного Китая, ранее проживали в Забайкалье. Немало переселенцев прибыло из Амурской, Уральской, Терской, Кубанской, Донской, Оренбургской, Уссурийской, Иркутской и других областей, где ранее (до революции) процветали казачьи поселения¹. В Северо-Восточном Китае на казаков с семьями приходилось 17,5 % от общего числа прибывших. По состоянию на 1922–1923 гг. – около 20 тыс. чел.²

Актуальность теме придает процесс возрождения российского казачества с возвратом к активной общественной деятельности. В современном российском обществе не утихают дискуссии по поводу сущности казачества, ценностных ориентаций казаков, экономических, нравственных, социальных и духовных основ их жизни и деятельности.

Для определения места казачества в современном российском обществе, прогнозирования дальнейшего развития этой социальной группы, выработки оптимальной общественной и государственной политики по отношению к ней необходимо исследовать жизнедеятельность и функционирование казачества в сложных условиях эмиграции. Необходимо понять, какой вклад в экономику внесла диаспора, каким образом смогла сохранить в эмиграции традиции и культуру казачества.

Историография постреволюционной российской эмиграции (включая ее дальневосточную ветвь) состоит из ряда иностранных и отечественных научных исследований. Начиная с 1920-х гг. и по текущий момент в России и за рубежом публикуются научные труды, посвященные разным аспектам истории русских эмигрантов и русского зарубежья. Есть немало исследований, посвященных непосредственно теме эмиграции казаков и изучению дальневосточной ветви эмиграции.

В предыдущих работах автора этой статьи историография казачьей эмиграции на территории Китая освещалась достаточно детально³. Что касается вопроса жизнедеятель-

¹ Худобородов А.Л. Вдали от родины: российское казачество в эмиграции. Челябинск, 1997. С. 11.

² Там же. С. 63.

³ Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкальского казачьего войска, образования Забайкальской обл. и придания Чите статуса

ности казачества непосредственно в Трехречье (правобережья Аргуни и ее притоков с китайской стороны), то этот аспект темы менее изучен и, безусловно, еще ждет новых исследований. В этой связи можно отметить публикации. А.М. Кайгородова⁴, Ю.В. Аргудяевой⁵, И.В. Чапыгина⁶, О.И. Сергеева⁷, Е.В. Дроботушенко⁸, А.П. и А.А. Забияко⁹, В.А. Кормазова¹⁰, М. Шестакова¹¹, В.Л. Кляуса¹², Я.В. Зиненко¹³, П.В. Шахматова¹⁴, В.В. Перминова¹⁵, В.Г. Шаронова¹⁶, которые так и или иначе освещали жизнедеятельность русского населения и казачества Трехречья в рамках своих научных интересов и задач.

Самый сложный период в организации хозяйственной деятельности и бытового уклада казаков в эмиграции – начало 1920-х гг. На территории Китая с первыми эмиграционными буднями были созданы первые союзы и станицы, где проживали казаки. Также практически сразу создавались музыкальные и творческие коллективы, молодежные и литературные объединения, благотворительные союзы, различные курсы и кружки. Это позволило сохранить и развивать казачью культуру.

Экономическая инфраструктура (эмигрантская в целом и казачья в частности) в Китае и в Маньчжурии развивалась в условиях противостояния местной среды. Казаки с первых месяцев эмиграции поняли, что составить конкуренцию местному китайскому населению будет довольно сложно. Дело в том, что китайцы очень трудолюбивые и готовы работать за очень малую оплату. Эмигрантам-казакам для элементарного выживания нужны были более существенные заработки. Среди основных проблем, с которыми столкнулись эмигранты-казаки в начале эмиграции в 1920-х гг., можно выделить отсутствие первоначального капитала, языковой барьер, враждебность со стороны местных, отличия в традициях и хозяйственном укладе. Положение казаков ухудшалось еще и тем обстоятельством, что местные власти требовали взяток, а давать их было откровенно не из чего. Поэтому многие эмигранты просто не смогли адаптироваться к мирной жизни и были вынуждены поступить на службу. Часть казаков-эмигрантов выбрала путь наемничества в разных вооруженных группировках, участвовавших в гражданской войне в Китае в 1920-х гг. Другие поступили в вооруженные

областного центра. Чита, 2011. С. 86–92; Чапыгин И.В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 173–176; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии в 1920–1945 гг. Некоторые итоги изучения темы // Наука и школа. 2014. № 182. С. 182–188; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2015.

⁴ Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

⁵ Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134; Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.). Благовещенск, 2016; Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трехречье: исход и хозяйственная деятельность русских казаков в 1920–1940-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 136–148.

⁶ Чапыгин И.В. Трехречье – район казачьего расселения русской эмиграции на северо-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова и его ученика проф. В.Г. Тюкавкина: в 2 кн. Иркутск, 2005. Кн. 2. С. 169–171.

⁷ Сергеев О.И. Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 143–144; Сергеев О.И. Казачье Трехречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки: мат-лы междунар. науч. конф. (22–27 ноября 2012 г., Чита, Россия – Эргуна, Китай). Чита, 2012. С. 136–143.

⁸ Дроботушенко Е.В. К вопросу о количестве и названиях казачьих поселений на территории северного Китая на рубеже 1920–1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2018. Т. 45, № 1. С. 112–121.

⁹ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

¹⁰ Кормазов В.А. Трехречье (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1931. № 5. С. 38–47.

¹¹ Шестаков М. Благодатное Трехречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

¹² Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

¹³ Зиненко Я.В. Календарная обрядность русских Трехречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 97–107.

¹⁴ Шахматов П.В. Трехречье. Воспоминания. Томск, 2014.

¹⁵ Перминов В.В. Трехречье // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск, 2000–2006.

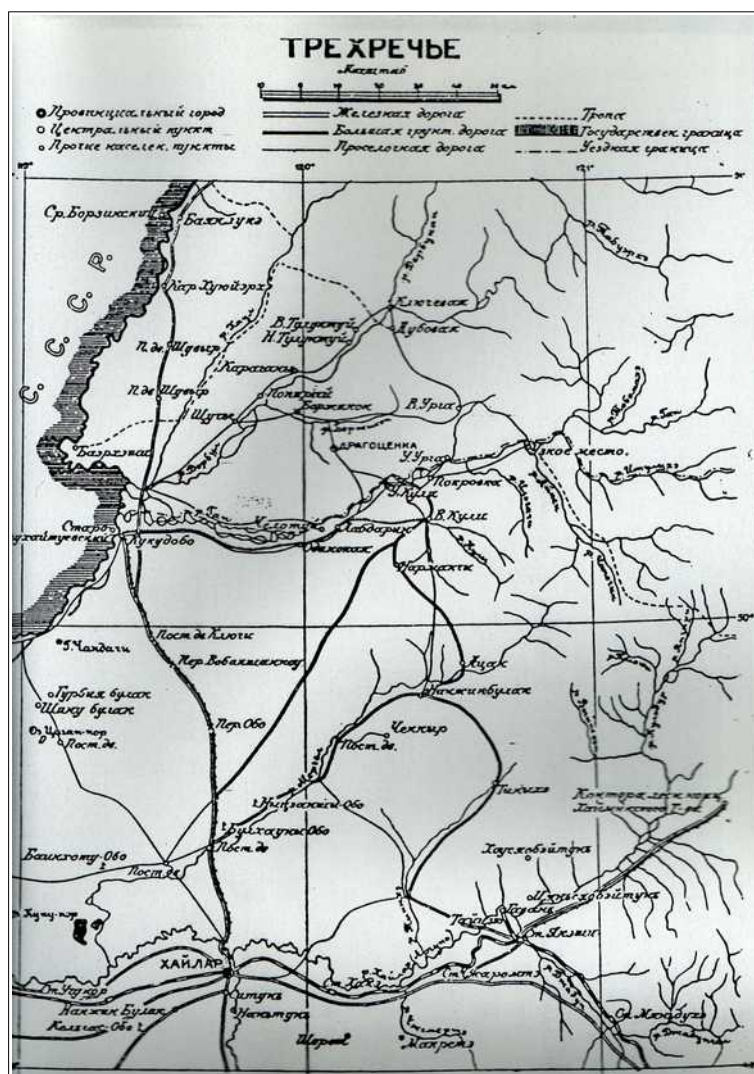
¹⁶ Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., 2015.

силы Китая¹⁷. Выбор казачеством военного ремесла во многом обусловлен характером казачества, являвшегося военным сословием. Тут стоит отметить, что многие из эмигрировавших в Китай казаков были участниками Мировой или Гражданской войны.

Экономическая основа казачьей инфраструктуры в Маньчжурии – сельскохозяйственная деятельность (промыслы, скотоводство, земледелие). Обустроившись, казаки-эмигранты занялись домашним хозяйством и торговой деятельностью. В начале эмиграции в Северо-Восточном Китае насчитывалось более 50 домовладельцев, сдававших недвижимость в аренду, 60 предприятий торговли и около 150 хозяйств. Со временем эмигранты смогли перейти от случайных заработков и поденной работы к более стабильным и привычным занятиям. Казачьи семьи оседали в районах, которые были пригодны для сельского хозяйства и скотоводства. Прошло совсем немного времени, и в казачьих станицах выделились более состоятельные и зажиточные семьи, обеспечивавшие существование менее успешным соотечественникам. Они помогали им деньгами, выдавали скот, семена, необходимый инвентарь, нанимали в батраки, учреждали промышленные предприятия и создавали рабочие места. Некоторые эмигранты-казаки смогли поступить на службу в военные, гражданские и правительственные учреждения. Традиционными видами хозяйственной деятельности для казаков в эмиграции выступали ремесла, охота, сенокосение. Известны случаи конокрадства и контрабанды как постоянных занятий. В более поздний период казаки при переправе контрабандных товаров в Монголию и СССР одновременно выполняли еще и разведздания для Японской военной миссии.

В экономическом плане казаки-эмигранты, проживавшие в Северо-Восточном Китае, находились в более выгодном положении, что обуславливалось возможностью ведения хозяйственной деятельности. Здесь также играли роль наличие и доступность местных ресурсов (например, топливо из Болинских и Чжалайнорских угольных копей)¹⁸.

Характерным примером жизни и адаптации к новым условиям жизни в эмиграции является существование в исследуемый период Трехречья. Район Трехречья в рассматриваемый период занимал территорию Северо-Восточного Китая в бассейне рек Хаул, Дербул и Ганг (примерно 11 500 км²). Сегодня это хошун Правоаргунский или Аргун-Юци (простирается по параллели с Забайкальем).

¹⁷ Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 140–141.

¹⁸ Архив РУ ФСБ по Забайкальскому краю. Д. 65–66. Л. 67.

Забайкальские казаки давно знали о районе Трехречья и его природных богатствах, так как, еще живя в России, пригоняли табуны лошадей и стада крупного рогатого скота на выпас. На территории Трехречья казаки распахивали целину и готовили сено для своих хозяйств. В зимний период жители Забайкальского Приаргунского района приезжали в Трехречье охотиться за пушным зверем и крупной дичью. В Верхнем Тулунтуе некоторые землянки и избы, сохранившиеся до конца XX в., были построены поселенцами еще в 1895–1900 гг.

Двадцатые годы XX в. стали периодом массового заселения русскими Трехречья. Здесь обосновывались казачьи семьи, прибывшие из Забайкалья и других регионов России (но первых было гораздо больше). По сравнению с эмигрантами из других регионов, забайкальские казаки могли перевезти с собой все свое имущество и хозяйство. Это положительно влияло на период адаптации, сокращая его и делая процесс приспособления к местным условиям менее болезненным.

Территория Трехречья в исследуемый исторический период была населена монголами, манчжурами, даурами, эвенками, ороचनाми, корейцами, бурятами, а позднее и японцами. Затем практически 90 % от численности населения занимали казаки-эмигранты. Прибывшие из России казаки расселились по 19 поселкам. В остальных трех десятках поселков население по этническому и национальному составу было смешанным. Со временем прибывшие казаки адаптировались к местным условиям. В первые годы после революции на территорию Трехречья начали приезжать бывшие военнослужащие белых армий. Наиболее массово они приезжали в 1919–1920 гг. Многие решили остаться навсегда. Трехреченскими белоэмигрантами были организованы экономические и политические институты. Так, в частности, в Трехречье появился институт поселковых атаманов и старшин, заведующий беженцами. Массовое увольнение русских с КВЖД в 1925–1926 гг. привело к увеличению числа эмигрантов на территории Трехречья. Следующая волна эмиграции пришлась на 1930-е гг. – люди бежали из СССР, не желая присоединения своих хозяйств к колхозам.

Аппарат самоуправления, сформированный эмигрантами в Трехречье, просуществовал в своем изначальном виде до 1931 г. Но в связи с японской оккупацией и сентябрьскими событиями он несколько видоизменился. В частности, было принято решение об упразднении заведующего беженцами. Управление возглавил атаман станицы. Как и ранее, поселковые атаманы остались у него в прямом подчинении. В целях обеспечения правопорядка полицейская охрана, состоявшая из местных жителей, была заменена белоэмигрантами, отряды которых возглавляли японцы.

В период японской оккупации центром Трехречья был город Найрумту, а до этого Драгоценка (сегодня – Саньхэ). В Драгоценке проживало около полутора тысяч жителей, размещавшихся в 251 домохозяйстве. Стоит отметить, что Драгоценка – не просто столица, но также главный административный и торговый центр. Такое положение обуславливалось наличием стратегически значимых объектов – резиденции губернатора Южно-Аргунского хошуна, множества торговых фирм, лавок, промышленных предприятий, а также филиалов японских торговых предприятий. Также в Драгоценке работало предприятие «И.Я. Чурин и К°». Отделение военной миссии Японии, казачье правление станицы, главное лесничество, бюро русских эмигрантов и гарнизон Кватунской армии также располагались в данном населенном пункте. Начиная с 1936 г. в Драгоценке ежедневно печаталась газета под редакцией В.Г. Сергеева «Казачья жизнь». Благодаря данному изданию местное население всегда было в курсе последних новостей, в том числе в стране и мире в целом. Поселок был похож на небольшую сибирскую станицу или городок – бревенчатые дома, приусадебные участки, загоны для скота («стайки»), несколько кирпичных зданий в центральной части. На тот момент в поселке была проведена междугородняя телефонная линия, во всех домах имелось электричество, а водоснабжение было организовано из незамерзающего ключа.

В Драгоценке работали следующие хозяйственные и коммерческие предприятия: столярные мастерские, автотранспортные мастерские, электростанции, завод по производству кирпича, кожевенный завод, мукомольная паровая мельница, маслозавод, прачечная,

парикмахерские, портновские мастерские, общественная баня, кузнечно-слесарные мастерские, сапожные мастерские, рестораны и столовые, японская гостиница, отделение компании «Чурин и К°», китайские постоянные дворы, дома терпимости, представительства Восточно-Монгольской компании.

Если говорить о приграничных поселках со стороны СССР, то там дела обстояли хуже. В частности, электричество там было проведено гораздо позже. А некоторые поселки и вовсе так и остались без электричества.

К числу крупных сел Трехречья относились: Верх-Урга, Ключевая, Дубловая, Нармакчи, Усть Кули, Лабдарин, Верх-Кули. Численность жителей всех 23 поселков Трехречья в 1933 г. составляла 5 519 чел. (перепись провел майор японской службы Симоног Кенузи)¹⁹.

Известно, что рассматриваемую территорию планировалось заселить японцами. Сказанное подтверждается статьей, опубликованной в марте 1934 г. в популярном на тот момент периодическом издании «Восточная Азия». Статья рассказывала о проекте, связанном с переселением японских колонистов на территорию Трехречья. В статье автор обращал внимание на то, что этнографически, географически и политически Трехречье – благоприятный и выгодный район для колонизации Японией. Суть плана заселения рассматриваемой территории японцами заключалась в следующем. Так, колонисты – это мужчины в возрасте до 30 лет с семьями, средним или высшим образованием. Колонисты должны были быть надежными и иметь соответствующие убеждения. Перед переселением на территорию Трехречья колонисты прослушивали лекции по ведению сельскохозяйственной деятельности в Хайларе. Затем из всего числа колонистов избирали одного руководителя поселенцами-японцами и русскими, включая казаков.

Японские колонисты старались селиться в наиболее населенных поселках и селах. Так, внимание большинства колонистов было приковано к таким населенным пунктам, как Драгоценка, Нанжибулак, Верх Кули, Усть Урга, Лабдарин и др. Как правило, колонисты приезжали целыми семьями. Часть колонистов выбирала для поселения населенные пункты за пределами Трехречья.

Колонистов учили взаимодействовать с населением и выведывать навыки хозяйственной, экономической и политической деятельности на лекциях, которые они прослушивали перед отъездом в Трехречье и другие поселки Северо-Восточного Китая. В планах Японии было через колонистов добиться урегулирования племенных и политических отношений, организовав при этом некую экономическую интеграцию. На местах жительства прежних жителей Трехречья планировалось разместить групповые поселения японских колонистов. В дальнейшем японцы хотели освоить плодородные территории, которые до этого момента оставались нетронутыми. Изначально численность населения поселка задумывалась не сильно большой – примерно тридцать семей по три человека (родители и ребенок). В науке бытует мнение, что для японской колонизации Трехречье было вполне пригодно²⁰.

В контексте рассматриваемого вопроса следует обратить внимание на сложную форму отношений между вышестоящими административными органами и поселковыми управлениями Трехречья в период оккупации Японией. Атаман, возглавлявший казачий поселок, подчинялся руководителю Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурии, станичному атаману Трехречья, начальнику БРЭМ, японской военной миссии, органам полиции и Хошунному Управлению.

Если сравнивать положение русских казаков, живших в тот период в Забайкалье, то разницы с эмигрантами-казаками в Трехречье почти не было. Казаки занимались традиционными видами деятельности, одни были более зажиточными, другие имели скромный достаток. Со временем от охоты, как постоянного источника дохода, пришлось отказаться

¹⁹ Симонога Кенузи. Проект переселения японцев-колонистов в Трехречье // Восточная Азия. Токио. 1934. № 2. С. 77–91.

²⁰ Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

(во многом в связи с несколькими эпидемиями подряд, которые привели к сокращению дичи).

Земледелие казаки выбирали по многим причинам. В частности, роль сыграл урожай 1924–1925 гг., после чего эмигранты решили расширить свои земельные наделы и заниматься земледелием в более значительных масштабах. Слава о плодородной земле распространилась далеко за пределы Маньчжурии и привлекла новых переселенцев. Начали развиваться связанные отрасли (мукомольные мельницы, сфера услуг, транспортные перевозки, торговля и др.).

Вместе с развитием земледелия на территории Трехречья развивалось животноводство. Казаки держали крупный рогатый скот, лошадей, овец. Зажиточные эмигранты могли позволить себе несколько сотен голов КРС. Из архивных данных известно о местном жителе, державшем 6 тыс. голов. Продукция животноводческой деятельности перерабатывалась и продавалась. С этой целью были открыты маслозаводы и другие предприятия по переработке продукции. Активно развивалась торговля.

Как уже отмечалось выше, в Трехречье существовали маслодельные предприятия и мукомольные мельницы. Также в исследуемый период здесь функционировали торговые предприятия, две столярные мастерские, 14 кузниц, четыре кожевенных завода, две гончарные мастерские и пять заводов по производству кирпича.

Так, на 1 сентября 1938 г., согласно «Ведомости о числе дворов, людей, пахотной земли, сена, скота в Трехреченской станице», было 1 245 дворов с казачьим населением 7 010 чел., из них мужчин – 1 986 чел., женщин – 1 611 чел., детей – 3 413²¹. Здесь же сохранился рапорт станичного атамана, генерал-лейтенанта Мациевского губернатору Южно-Аргунской губернии с информацией о количестве казаков возраста 16–30 лет для военного обучения и участия в 2-месячных лагерных военных сборах в 1936–1938 гг.²²

Трехречье, заселенное русскими эмигрантами, вызывало повышенный интерес со стороны правящего класса СССР. Разница между русскими казаками Северо-Восточного Китая, жившими в достатке и сытости, и советскими крестьянами была огромной. По сохранившимся данным, Трехреченская станица в 1941 г. насчитывала 8 600 чел. населения. Из них мужчин-казаков – 3 500 чел.²³, остальные – женщины и дети.

Сохранившиеся архивные данные проливают свет на многие аспекты жизни зажиточных эмигрантов казачьего сословия, в том числе на характер хозяйства. Так, у жителя поселка Попирай П.К. Козулина было 10 десятин земли, которые он засеивал, 80 голов КРС и 20 лошадей. У другого жителя этого поселка М. Пешкова, переселившегося из с. Зоргол, было 20 десятин земли, около тысячи овец, 130 голов КРС, 40 лошадей и до пяти батраков в разное время. У казака М.С. Первухина в собственности было 70 десятин земли, трактор, 50 голов КРС и 16 лошадей. К.Л. Зверев, проживавший в станице Ключевая, имел в возрасте около 50 лет в собственности 100 десятин земли, трактор, 80 голов КРС, 25 лошадей. Жители поселка Верхний Тулунтуй П.В. и Д.Г. Каюков имели большое хозяйство. В архивах сохранилась информация и о таких зажиточных казаках, как И.П. Чупров (прибыл из с. Чупрово), И.Т. Аксенов и А.В. Чегодаев (жители села Шанкули (Верх-Кули)). Первый имел в собственности 160 десятин земли, а второй – 300 десятин и два трактора²⁴.

Из приведенных примеров видно, что некоторые эмигранты-казаки были достаточно богатыми для того времени – у них были тракторы, а некоторые даже нанимали батраков для обработки земельных угодий. Можно сделать вывод, что их товарное хозяйство было эффективным и механизированным на достаточно высоком уровне.

По мере того как среди казаков-поселенцев расширялось товарное сельскохозяйственное производство, развивались такие отрасли, как средняя и мелкая промышленность, сфера услуг, торговля. Чем больше появлялось разных предприятий, тем развитее станови-

²¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 829. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

²² Там же. Л. 17.

²³ ГАХК. Ф-Р. 831. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

²⁴ Архив РУ ФСБ по Забайкальскому краю. Д. 65–66. Л. 68.

лось Трехречье. Стоит сказать, что привычная инфраструктура для жизни была налажена казаками очень быстро.

Ситуация с казачьей экономикой различалась в зависимости от конкретного населенного пункта. Так, например, в Харбине экономика казаков-эмигрантов растворялась в общей эмигрантской, японской и китайской экономике. Возможно, роль сыграло то, что поселок был очень густонаселенным. В Трехречье и других регионах, где казаки активно занимались сельским хозяйством, их экономика преобладала. Так, например, в пос. Верх-Урга, насчитывавшем около сотни домохозяйств, работало три магазина и кожевенное производство (заводом владел казак Шмелёв). В пос. Верх-Кули проживало около 2 тыс. чел. (270 домовладений), работал магазин, аптека, водяная мельница, маслодельный и молочный заводы. Согласно сохранившимся данным, в 1941 г. жители поселка Верх-Кули засеяли 41 га гречихи, 77 га ячменя, 1 139 га овса и 1054 га пшеницы. В пос. Усть-Кули насчитывалось около 400 чел. населения (70 домовладений), работал маслодельный завод, три мельницы, магазин. Лучших казаков награждали похвальными листами (например, такую награду в 1943 г. получил казак А.А. Парамонов). В станице Ключевая, в которой проживало 730 чел. (140 домовладений), работал маслодельный завод, 6 мельниц и 3 лавки. В пос. Попирай проживало 400 чел. населения (73 домовладения), которое засеивало 200 десятин земли. Работал магазин, маслодельный завод, 5 водяных мельниц. Хозяйство жителей поселка в общей сложности насчитывало 550 голов КРС и 350 лошадей. В с. Покровка насчитывалось 900 жителей и 165 домовладений. В селе был телефон, телеграф, овчинный завод и 2 мельницы. В пос. Щучье проживало 300 чел. (62 домохозяйства), работали маслодельный и молочный заводы, функционировала мельница. Во многих поселках Трехречья были магазины²⁵.

К 1945 г. в районе Маньчжурии действовало более 60 различных предприятий, которыми владели русские эмигранты и казаки. Сюда относятся маслодельные заводы, сыроварни, кафе, рестораны, гостиницы, подрядные конторы, мастерские, магазины, лавки и пр. К примеру, в г. Хайлар русские казаки-эмигранты братья Воронцовы владели мукомольней, водочным и винокурным заводом, производительность которого достигала 100 тыс. ведер в год. Казак А.И. Агеев имел мануфактурный магазин, М.А. Авентисов – винно-гастрономический магазин, Г.И. Клавдиев – колбасную фабрику, И.П. Катаев – пимокатный и кожевенный заводы, М.П. Мыльников – шорно-сапожное производство, И.И. Потапов – обувную мастерскую и магазин. Казаки также владели шубно-пимокатным производством (Горбунов и Окулов), ломовым (С.М. Маньшин) и верблюжьим (Х.Х. Сухов) обозом. Казак П.П. Павлов имел автогараж. Также в указанный период в районе Маньчжурии действовала подрядная контора концессии «Мантэзу» (ЮМЖД), которая заготавливала лесоматериалы и продавала их по территории страны и за рубеж (владельцы – братья Окладниковы)²⁶.

Эмигранты-казаки столкнулись с серьезными проблемами политического и экономического характера после того, как японцы оккупировали Маньчжурию. Военная миссия Японии продвигала и поддерживала интересы японских коммерсантов, которые поставили перед собой цель по вытеснению из местных ниш местного китайского населения и русских казаков-эмигрантов. В итоге многие владельцы коммерческих предприятий из числа местного населения и казаков были вынуждены продать их японцам. При отказе от продажи японцы обвинили бы их в антияпонской деятельности, арестовали и конфисковали бы имущество.

Казаки, переселившись в Трехречье, смогли достаточно неплохо адаптироваться к суровым местным условиям, создав собственную экономическую инфраструктуру. В этом им помогли многовековые коммерческие, социальные и сельскохозяйственные традиции, а также накопленный опыт войскового и станичного управления. Особенности общественной жизни казаков-переселенцев позволяли им успешно вести экономическую и хозяй-

²⁵ Архив РУ ФСБ по Забайкальскому краю. Д. 66. Л. 68.

²⁶ Там же.

ственную деятельность, а также защищали от ассимиляции, которая вполне могла бы иметь место в тех условиях.

После обустройства сельского хозяйства казаки достаточно быстро перешли к коммерческому сельскому хозяйству, т.е. производили сельскохозяйственную продукцию на продажу. Помимо торговли, казаки наладили и развивали промышленное производство. В анализируемый период в Трехречье среди казаков-эмигрантов процветало выращивание всевозможных видов культур (технических, овощных и зерновых). Стоит сказать, что и среди местного китайского населения эти отрасли также были востребованы. Из исторических документов известно, что маньчжурское сельское хозяйство благодаря казакам обрело опыт выращивания многих культур.

Эмигранты-казаки занимались разными видами деятельности – от сельскохозяйственной деятельности и охоты до оказания транспортных услуг, торговли, промышленного производства. Активная хозяйственная деятельность казаков, прибывших из Забайкалья, не отменяла военной и гражданской службы, которую казаки исполняли добросовестно и с большим желанием. Свои сословные черты казаки смогли сохранить и вдали от Родины.

Проведенное исследование позволяет убедиться в том, что экономическая инфраструктура казачества играла огромную роль во многих отраслях не только эмигрантской экономики, но и китайской в целом. Также стоит отметить, что эта инфраструктура была направлена на обеспечение потребностей населения продуктами и товарами. Таким образом, казаки, проживавшие на территории Трехречья, прошли довольно сложный путь и смогли адаптироваться к суровым местным условиям. Со временем они смогли включиться в процессы оказания услуг, развития местной промышленности, ориентированной по большей части на переработку природного и сельскохозяйственного сырья, а также колонизации еще не до конца освоенных земель. Роль казаков в различных сферах жизни русской диаспоры в Маньчжурии оценивается современными учеными достаточно высоко.

Литература

Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.

Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трехречье: исход и хозяйственная деятельность русских казаков в 1920–1940-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 136–148.

Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.). Благовещенск: АмГУ, 2016. 477 с.

Дроботушенко Е.В. К вопросу о количестве и названиях казачьих поселений на территории северного Китая на рубеже 1920–1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2018. Т. 45, № 1. С. 112–121.

Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

Зиненко Я.В. Календарная обрядность русских Трехречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 97–107.

Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 382 с.

Кормазов В.А. Трехречье (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1931. № 5. С. 38–47.

Перминов В.В. Трехречье // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск: Наука, 2000–2006.

Сергеев О.И. Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 143–144.

Сергеев О.И. Казачье Трехречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки: мат-лы междунар. науч. конф. (22–27 ноября 2012 г., Чита, Россия – Эргуна, Китай). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2012. С. 136–143.

Симонога Кенузи. Проект переселения японцев-колонистов в Трехречье // Восточная Азия. Токио. 1934. № 2. С. 77–91.

Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. 432 с.

Худобородов А.Л. Вдали от родины: российское казачество в эмиграции. Челябинск: Факел, 1997. 112 с.

Чапыгин И.В. Трехречье – район казачьего расселения русской эмиграции на северо-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова и его ученика проф. В.Г. Тюкавкина: в 2 кн. Иркутск: ИркГУ, 2005. Кн. 2. С. 169–171.

Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкальского казачьего войска, образования Забайкальской области и придания Чите статуса областного центра. Чита: Поиск, 2011. С. 86–92.

Чапыгин И.В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 173–176.

Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии в 1920–1945 гг. Некоторые итоги изучения темы // Наука и школа. 2014. № 182. С. 182–188.

Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 171 с.

Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. 510 с.

Шахматов П.В. Трехречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014. 334 с.

Шестаков М. Благодатное Трехречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

References

Argudyaeva, Yu.V. (2019). Iz Rossii v man'chzhurskoe Trehrech'e: iskhod i hozyaystvennaya deyatel'nost' russkikh kazakov v 1920–1940-e gg [From Russia to the Manchurian Three Rivers: The Exodus of Russian Cossacks and Pasants after the Civil War in the 1920s–1940s]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. Vol. 23, pp. 136–148.

Argudyaeva, Yu. V. (2016). *Russkie kazaki v Trehrech'e (pervaya polovina XX v.)* [Russian Cossacks in the Three Rivers (The First Half of the 20th Century)]. Blagoveshchensk, AmGU. 477 p.

Argudyaeva, Yu.V. (2006). Russkoe naselenie v Trehrech'e [Russian Population in the Three Rivers]. In *Rossiya i ATR*. No. 46, pp. 121–134.

Chapygin, I.V. (2005). Trehrech'e – rayon kazach'ego rasseleniya russkoy emigratsii na severo-vostoke Kitaya (1920–1945 gg.) [Trehrechye – the Area of Cossack Settlement of Russian Emigration in the Northeast of China (1920–1945)]. In *Sibir' v kontekste rossiyskikh peremen: istoricheskiy opyt, traditsii i problemy sovremennosti: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora V.I. Dulova i ego uchenika professora V.G. Tyukavkina*. Book 2. Irkutsk, IrGPU, pp. 169–171.

Chapygin, I.V. (2011). Kazach'ya emigratsiya na territorii Man'chzhurii (1920–1945 gg.) [Cossack Emigration on the Territory of Manchuria (1920–1945)]. In *Zabaykal'skoe kazachestvo v istoricheskom razvitii i mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy mezhregion. naucho-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu sozdaniya Zabaykalskogo kazach'ego voyska, obrazovaniya Zabaykalskoy oblasti i pridaniya Chite statusa oblastnogo tsentra*. Chita, Poisk, pp. 86–92.

Chapygin, I.V. (2013). Zabaykal'skoe kazachestvo v emigratsii na territorii Severo-Vostochnogo Kitaya (Man'chzhurii) v 1920–1930-e gg [Trans-Baikal Cossacks in Emigration in the Territory of Northeastern China (Manchuria) in the 1920s–1930s]. In *Nauka i shkola*. No. 4, pp. 173–176.

Chapygin, I.V. (2014). Kazach'ya emigratsiya na territorii Man'chzhurii v 1920–1945 gg. Nekotorye itogi izucheniya temy [Cossack Emigration on the Territory of Manchuria in 1920–1945. Some Results of Studying the Topic]. In *Nauka i shkola*. No. 182, pp. 182–188.

Chapygin, I.V. (2015). *Kazach'ya emigratsiya v Kitae* [Cossack Emigration in China]. Irkutsk, Izdatelstvo IGU. 171 p.

Drobotushenko, E.V. (2018). K voprosu o kolichestve i nazvaniyakh kazach'ikh poseleniy na territorii severnogo Kitaya na rubezhe 1920–1930-kh gg. [On the Question of the Number and Names of Cossack Settlements on the Territory of Northern China at the Turn of the 1920s–1930s]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya, politologiya. Vol. 45, No. 1, pp. 112–121.

Kaygorodova, A.M. (1970). Russkie v Trehrech'e (po lichnym vospominaniyam) [Russians in the Three Rivers (According to Personal Memories)]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 2, pp. 140–149.

Khudoborodov, A.L. (1997). *Vdali ot rodiny: rossiyskoe kazachestvo v emigratsii* [Far from the Motherland: Russian Cossacks in Exile]. Chelyabinsk, Fakel. 112 p.

Klyaus, V.L. (2015). *“Russkoe Trehrech'e” Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [“Russian Three Rivers” of Manchuria: Essays on Folklore and Traditional Culture]. Moscow, IMLI RAN. 382 p.

Kormazov, V.A. (1931). Trehrech'e (Iz putevykh zametok) [Trehrechye (From Travel Notes)]. In *Vestnik Man'chzhurii*. Harbin. No. 5, pp. 38–47.

Perminov, V.V. (2000–2006). Trehrech'e [Trehrechye]. In *Eentsiklopediya Zabaykal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t.* Novosibirsk, Nauka.

Sergeev, O.I. (2012). Kazach'e Trehrech'e v Kitae: istoricheskiy rakurs [Cossack Three Rivers in China: A Historical Perspective]. In *Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': istoricheskiy rakurs i sovremennye otsenki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (22–27 noyabrya 2012 g., Chita, Rossiya – Yerguna, Kitay)*. Chita, Zabaykalskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, pp. 136–143.

Sergeev, O.I. (2016). Ispol'zovanie Yaponiey opyta rossiyskogo kazachestva pri osvoenii novykh territoriy (o. Khokkaydo, okkupirovannye zemli Severo-Vostochnogo Kitaya) [Japan's Use of the Experience of the Russian Cossacks in the Development of New Territories (Hokkaido Island, Occupied Lands of Northeast China)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 143–144.

Shakhmatov, P.V. (2014). *Trehrech'e. Vospominaniya* [Trehrechye. Memories]. Tomsk, Krasnoe znamya. 334 p.

Sharonova, V.G. (2015). *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka* [The History of Russian Emigration in Eastern China in the First Half of the 20th Century]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga. 510 p.

Shestakov, M. (1943). Blagodatnoe Trehrech'e [Blagodatnoe Trehrechye]. In *Vestnik kazach'ey vystavki v Kharbine 1943 g.: sbornik statey o kazakakh i kazachestve*. Harbin, pp. 192–195.

Simonoga Kenuzi. (1934). Proekt pereseleniya yapontsev-kolonistov v Trehrech'e [The Project of Resettlement of Japanese Colonists in the Three Rivers]. In *Vostochnaya Azia*. Tokio. No. 2, pp. 77–91.

Tarasov, A.P. (2003). *Zabaykal'e i Kitay: opyt analiza mezhdunarodnykh svyazey* [Transbaikalia and China: The Experience of Analyzing International Relations]. Chita, RIS ZabGPU. 432 p.

Zabiyako, A.P., Zabiyako, A.A. (2017). *Russkie Trehrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russian Three Rivers: The Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk, Izdatelstvo IAET SO RA. 340 p.

Zinenko, Ya.V. (2019). Kalendarnaya obryadnost' russkih Trehrech'ya [Calendar Rites of the Russian Three Rivers]. In *Traditsionnaya kul'tura*. Vol. 20, No. 4, pp. 97–107.